
DOI 10.35775/PSI.2022.86.5.002

УДК 93/94 623.3 (571.74)

Р.А. МУХАМЕДОВ

*доктор исторических наук, профессор
Ульяновского государственного педагогического
университета им. И.Н. Ульянова,*

Россия, г. Ульяновск

А.Г. ПАШКИН

*кандидат исторических наук, директор
Государственного архива новейшей истории
Ульяновской области; докторант Ульяновского
государственного педагогического университета
им. И.Н. Ульянова, Россия, г. Ульяновск*

РОЛЬ СОТРУДНИКОВ НКВД И ПРОКУРАТУРЫ ПРИ ПОСТРОЙКЕ КУЙБЫШЕВ-УЛЬЯНОВСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА

В статье рассматривается опыт деятельности сотрудников структур НКВД и прокуратуры, направленной на обеспечение оборонительного строительства в экстремальных реалиях военных действий, является незаменимым источником для инженеров военного дела Российской Федерации. Авторы на основе введения в научный оборот ранее секретных архивных документов из фондов РГАСПИ, СОГАСПИ и ГАНИ УО уделили внимание процессу строительства оборонительного рубежа, положению мобилизованных и проанализировали проблемы деятельности органов НКВД и прокуратуры. Было выявлено, что работники органов внутренних дел и прокуратуры для пресечения дезертирств в первую очередь стремились осуществить нормализацию снабжения рабочих продуктами питания, одеждой и оборудованием, установление точных норм выработки, исходя из половозрастных особенностей строителей.

Ключевые слова: *Среднее Поволжье, военно-полевое строительство, НКВД, прокуратура, дезертирство.*

Период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. явился временем значительных по масштабам и численности процессов мобилизации населения для поддержания обороноспособности страны. Сегодня их значимость приравнена к победам, одержанным на фронтах войны. 2 июля 2020 г. Президент РФ В.В. Путин присвоил почетное звание «Город трудовой доблести» городам Самаре и Ульяновску. Одним из таких процессов стало

возведение Куйбышевского оборонительного рубежа, в котором с ноября 1941 г. по январь 1942 г. принимало участие более 90 тысяч человек. Строительство, осуществлявшееся в тяжелых условиях, явилось трудовым подвигом жителей Среднего Поволжья, однако, до настоящего времени почти не изучено.

Сооружение рубежей обороны городов Куйбышева и Ульяновска имело важное государственное значение. В двух городах к середине октября 1941 г. разместились почти все действующие органы власти страны, посольства иностранных государств, были сосредоточены крупнейшие оборонные предприятия и научно-исследовательские организации. Также оба города являлись крупными водными и железнодорожными транспортными узлами. Строительство Куйбышевского оборонительного рубежа было обозначено в решении Государственного комитета обороны СССР (далее – ГКО) №782-сс от 13 октября 1941 г. как составной части оборонительной линии, протянувшейся от Онежского озера на севере до Астрахани на юге. Работы по возведению Куйбышевского рубежа производило 4-е управление военно-полевого строительства, разместившееся в г. Куйбышеве. Окончание работ ГКО запланировал к 10 декабря 1941 г. Общее руководство оборонительным строительством было возложено на Наркома внутренних дел Л.П. Берия [13. л. 113]. Рассмотрев постановление ГКО, 20 октября 1941 г. бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) приняло собственное развернутое решение. Весь рубеж был разделен на 21 участок. Начальниками участков строительства бюро Куйбышевского обкома назначило либо секретарей райкомов ВКП(б), либо председателей исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся. На время строительства они освобождались от выполнения своих основных обязанностей. Начальники участков формировали аппарат из местных кадров [14. Л. 136]. Постановление предусматривало начать рекогносцировочные работы с 22 октября, а также в срок до 25 октября провести мобилизацию населения в порядке бесплатной трудовой и гужевой повинности. Контрольной датой отчетности о завершении строительства бюро обкома назначило 25 декабря [15. Л. 138].

В начале октября 1941 г. была проведена мобилизация неработающего населения, а также служащих предприятий и учреждений, учащихся учебных заведений Куйбышевской области в порядке трудовой повинности для оказания помощи сельскому хозяйству [8. Л. 157]. В результате загруженности, большинство партийных организаций не успели проанализировать свои мобилизационные возможности. Постановление бюро Куйбышевского обкома многие райкомы проработали непосредственно в день мобилизации [1. Л. 208]. Например, Старо-Кулаткинский райком ВКП(б) изучил постановление только 25 октября. Райком поручил исполкому райсовета в суточный срок довести плановые задания по сельсоветам, колхозам и МТС и мобилизовать требуемое количество людей, тяглового скота и техники [2. Л. 188]. Аналогичные решения приняли и другие райкомы ВКП(б).

Несогласие с количеством мобилизуемых и сроками мобилизации выражали, в большинстве случаев, работники НКВД и прокуратуры. Они с сентября 1941 г. находились в качестве уполномоченных на уборочных работах и знали о значительном недостатке рабочих рук в сельском хозяйстве. Так, на заседании бюро Мелекесского райкома ВКП(б) при обсуждении мобилизации прокурор района отметил: «Если мы мобилизуем людей, мы обескровим колхозы. Надо предложить обкому дать нам разрешение на 10 дней отложить отправку населения, завершить обмолот хлеба» [9. Л. 163]. Параллельно со строительством оборонительного рубежа население и транспорт хозяйствующих организаций были задействованы в порядке повинности и на других работах [3. Л. 289]. Еще в августе 1941 г. сельское хозяйство области направило фронту до 70% машинно-тракторного парка [16. Л. 207]. Поэтому ресурсами для выполнения плановых заданий по поставке на строительство техники районные власти также не располагали.

В первых сводках о мобилизации населения местные органы НКВД докладывали о распространении среди граждан негативных настроений. Так, 4 ноября 1941 г. Ульяновска горотдел НКВД сообщал: «Кассир артели «Красный кооператор» Ф. заявил: «Это безобразие, издеваться так над женщинами, гонять их на работу разутых, раздетых. Спасать родину надо не женщинам, а тем, кто видел жизнь»» [2. Л. 39]. Резюмируя сообщение, начальник Ульяновского горотдела НКВД капитан госбезопасности Чермных указывал, что отмечены и другие аналогичные факты и предлагал горкому исправить положение усилением агитработы.

В результате несоответствия планируемых показателей мобилизации населения и реальных возможностей территорий по поставке населения, задания выполнены не были. Так, по Вешкаймскому району было мобилизовано 4366 человек, хотя в задании значилось 6 тысяч человек [3. Л. 155 об.]. Достаточно частым явлением стало нарушение логистики перемещения, мобилизованных на участки ВПС (военно-полевое строительство). Так, Старо-Майнский районный отдел НКВД сообщал, что из-за отсутствия переправы через р. Волга свыше 800 человек неделю провели на берегу, предложив либо обеспечить людей продовольствием, либо распустить по домам [17].

9 декабря 1941 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия направил Куйбышевскому обкому телеграмму. Виновным в неудовлетворительно проведенной мобилизации нарком посчитал руководство районных партийных организаций и органов исполнительной власти. В завершении телеграммы областному комитету ВКП(б) предлагалось в пятидневный срок мобилизовать еще 50 тысяч человек, о чем доложить в Наркомат внутренних дел. В действительности, на строительстве рубежа должно было трудиться ровно 290 000 человек, но к 16 декабря 1941 г. прибыло 96 180 человек [17. Л. 153].

В ноябре 1941 г. местные органы власти и партийные организации еще предпринимали попытки изыскать возможности для дополнительной моби-

лизации. Например, в Тагайском районе решением бюро от 20 ноября 1941 г. часть сельскохозяйственных работников направили на строительство, заменив на работах по скирдованию и молотье учащимися старших классов общеобразовательных школ [4]. Однако, уже к декабрю эти попытки были оставлены. По Сызранскому сельскому району на 1 января 1941 г. имелось 10069 человек трудоспособного населения, а к 1 декабря 1941 г. – 4589 человек, из которых 3341 был послан на военно-полевое строительство, 231 – на прочие виды работ. В сельском хозяйстве осталось 1017 трудоспособных, и недостаток еще необходимых для поддержания аграрного сектора 1933 человека район покрывал за счет привлечения к работам детей с 12-летнего возраста [16. Л. 140].

Все попытки руководства участков ВПС мобилизовать дополнительные людские ресурсы на строительство уже к началу 1942 г. приводили к достаточно резким конфликтам с районными партийными и советскими организациями. Так, 8 января 1942 г. Богдашкниское управление ВПС просило Старо-Майнский райком ВКП(б) для завершения работ до 20 января срочно мобилизовать и прислать 800 человек. В ответ Старомайнский райком ВКП(б) 13 января ответил, что присутствовавших на строительстве жителей района вполне достаточно для его завершения, но настоятельно порекомендовал начальнику участка вернуть колхозу «1-е мая» Старо-Майнского района 10 лошадей для завершения хлебосдачи [5].

Так, если в сельской местности органы НКВД осуществляли лишь анализ проводимых мероприятий по мобилизации населения, то в городах в начале ноября 1941 г. городские отделы по устному указанию областного управления внутренних дел провели подомовой обход городов. Результаты обхода показали, что вручение повесток исполкомами городских и районных Советов было проведено в хаотичном порядке. Работники Мелекесского горотдела при обследовании 160 адресов лиц, подлежащих мобилизации, выявили 95 человек, которым повестки вручены не были. По г. Ульяновску с 1 по 3 ноября работники милиции также установили многочисленные факты неверного оформления повесток. 309 жителям города, которые были включены в списки привлеченных к трудовой повинности, повестки также не были включены [2. Л. 118]. В дальнейшем, органы НКВД рассматривали мобилизацию городского населения как угрозу выполнению плановых заданий промышленными предприятиями, на которых также ощущался кадровый голод [10]. 3 декабря 1941 г. Ульяновский горотдел НКВД сообщил о срыве выполнения задания по производству боеприпасов патронным заводом №3 им. Володарского при условии мобилизации 1500 рабочих на ВПС [6].

Прибывших в первый месяц строительства 96 тысяч человек было необходимо удержать от самовольного ухода. Руководителями участков ВПС, а также партийными организациями самой действенной мерой были признаны репрессии. Так, начальник Кузоватовского участка ВПС Андреев жа-

ловался Куйбышевскому обкому ВКП(б) на большое количество прекращенных прокуратурой уголовных дел. 7 ноября 1941 г. сообщал, что районный прокурор Федосеев освободил из-под ареста К., на которого был оформлен материал по обвинению по ч. 6 ст. 59 УК РСФСР. За день до этого Андреев просил 4-е управление ВПС наложить взыскание по административной линии на дезертировавших со строительства членов сельскохозяйственной артели им. Молотова Кузоватовского района [17. Л. 3]. Вплоть до конца декабря 1941 г. начальники участков ВПС требовали воздействия на органы прокуратуры по ускорению расследования дел на дезертиров, по прекращению их оправдания. Даже в январе 1942 г. Куйбышевский обком продолжал получать жалобы на частые отказы районных прокуроров в возбуждении уголовных дел на дезертиров [17. Л. 176].

Органы НКВД и прокуратуры придерживались иного взгляда на необходимость уголовного преследования дезертиров из-за необходимости выносить суровые приговоры. Так, 14 ноября 1941 г. районный суд 2 участка Радищевского района рассмотрел дело по обвинению 5 жителей с. Новое Зеленое, которые отстали от группы мобилизованных и прибыли на строительство на сутки позже. Следствие установило факт того, что, прибыв в райцентр, подсудимые распивали спиртные напитки. Суд признал всех пятерых виновными и приговорил каждого к лишению свободы сроком на 5 лет с поражением в правах [3. Л. 178].

Но по состоянию на 29 ноября 1941 г. Старомайнский райком никаких решений не принял. К этому моменту на Богдашкнском участке из Старо-Майнского района осталось 11% от планируемого количества людей. Для выяснения причин массового дезертирства, Старомайнский райком ВКП(б), кроме участкового уполномоченного, командировал в Богдашкино помощника прокурора района. Последний в докладной записке сообщал: «Люди на строительстве проработали месяц, не имеют теплой одежды и обуви. Колхозники колхозов «Красный Валдай», им. Буденного, «Волна революции», им. Степана Разина, а также рабочие Кандалинского лесничества сбежали. Положение с рабочей силой весьма тяжелое» [7].

17 ноября 1941 г., получив ряд сигналов о плачевном состоянии, мобилизованных на строительстве рубежа в Шигонском районе, областное управление НКВД направило туда начальника Молотовского районного отдела. Последний обнаружил массовые случаи нарушений, допущенных как местными органами власти, мобилизовавшими людей, так и руководством строительного участка. Сельсоветы заявляли мобилизованным, что они пробудут на строительстве не более 10 дней. Многие прибыли на строительство в легкой одежде, не запасли необходимого количества продуктов и не устроили на попечение несовершеннолетних и престарелых членов семей. Лично начальником участка Макаровым в результате осмотра прибывших были отпущены по домам 259 человек, среди которых были дети до 15-летнего возраста.

та, старики старше 56 лет, беременные женщины и больные, освобожденные от работ на основании врачебных заключений. На участок строительства должно было прибыть 6254 человека. К 18 ноября прибыло 2028 человек, из которых было направлено домой по разным причинам и дезертировало более 1200 человек. Из оставшихся не выходили на работу из-за отсутствия одежды, питания и топлива около 600 человек [17. Л. 116].

27 ноября 1941 г., основываясь на докладных записках районных отделов НКВД, а также на сведениях специально командированных работников, начальник Управления наркомата внутренних дел майор государственной безопасности Попков составил на имя первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) обстоятельную записку о состоянии строительства. Он отмечал, что проблемы вызваны попустительством районных организаций и сельсоветов, в том числе отсутствием продуктовых запасов, перебоями в обеспечении горячим питанием. Также местными органами власти были допущены массовые случаи предоставления ложной информации в момент проведения мобилизации, выразившиеся в посылке на работы беременных женщин, несовершеннолетних детей и стариков. Так, 5 ноября 1941 г. Фрунзенским райисполкомом г. Куйбышева в Ставрополь были направлены 1,5 тыс. человек. Ни один из них не был предупрежден о необходимости взять с собой теплое белье и постельные принадлежности. Осведомитель Куйбышевского областного управления НКВД, мобилизованный в числе других, сообщал, что по прибытии на место строительства людей разместили в неподготовленном и неотапливаемом летнем помещении бывшего пионерского лагеря, не выдавали хлеба и горячей пищи в течение пяти дней [17. Л. 113].

Начальник Майнского районного отдела НКВД сообщал в Областное управление о фактах формального отношения районных властей к подбору и направлению людей на строительство. Так, только на 4-й участок Майнского ВПС из Тереньгульского района было направлено 17 человек, имевших на руках справки от врачей о нетрудоспособности, в числе которых были беременные женщины, а также лица, страдавшие психическими расстройствами. В результате, самовольное оставление работы приняло массовый характер, и с двух участков Майнского ВПС дезертировало более 300 человек. Также районный отдел НКВД отмечал, что мобилизованные из Тереньгульского, Сенгилеевского, Ново-Девиченского, Мелекесского и Николо-Черемшанского районов по несколько дней не получали продуктов питания [16. Л. 115].

Характеризуя морально-психологическое положение строителей, Областное управление НКВД отмечало значительную степень распространения негативных настроений. Так, прибывший на строительство из Тереньгульского района В. распространял слухи о налете и бомбардировке фашистской авиацией участка ВПС в Сызранском районе. Агитация В. оказала сильное слияние на несколько десятков девушек, которые в слезах

пришли в штаб с просьбой отпустить их домой, не дожидаясь прилета вражеских самолетов. В. был арестован районным отделом НКВД. Большое количество случаев хулиганств, угроз в адрес должностных лиц регистрировались во время проведения дополнительной мобилизации. Негативные высказывания распространялись и среди не мобилизованного населения. Самовольно покинувшие ВПС распространяли среди знакомых и коллег нелестные отзывы о тех условиях, в которых находились строители, призывали их уклоняться от мобилизации. Данные перлюстрации писем, которыми располагало Куйбышевское облуправление НКВД, также содержали большое количество резких высказываний. Строители сообщали домой о плохих условиях, которые ставили их на грань выживания, и зачастую выражали готовность совершить дезертирство [2. Л. 122].

Районные парторганизации продолжали требовать не улучшения бытовых условий строителей, а расширения репрессивной политики. Так, 28 ноября 1941 г. на заседании бюро Старо-Кулаткинского райкома ВКП(б) начальник районного отдела НКВД сообщил, что за два месяца строительства участок ВПС самовольно покинуло более 5 тысяч человек. Бюро райкома поручило прокурору района Трунину привлечь к уголовной ответственности всех дезертиров [2. Л. 108]. Зачастую на заседаниях бюро проблема пресечения нарушений трудового распорядка на строительстве превращалась в конфликт между представителями парторганизаций, начальством участков ВПС и представителями прокуратуры. Так, при расследовании 10 дел на рабочих Тагайского участка ВПС, не вышедших на работу 21 ноября, следователем прокуратуры было установлено, что они не только находились в состоянии болезни, но в течение двух дней не получали горячего питания, не имели теплой одежды и обуви. Уголовное дело было прекращено. В ответ начальник Тагайского участка Котяев сообщил бюро райкома: «Теплую одежду и обувь должен был обеспечить колхоз, а он этого не сделал. Питание организовать не можем, но на всей трассе имеется кипяток, а это почти горячая еда. Считаю решение районного прокурора неверным» [3. Л. 192 об.], к тому же в общество получило новое социальное явление как беспризорность несовершеннолетних в 1941-1945 годах [12].

К середине декабря 1941 г. произошел отказ от репрессивной политики. Проблему продовольственного снабжения лиц, занятых на ВПС, удалось частично решить. Все усилия партийных, комсомольских и советских организаций были направлены на сбор помощи строителям. Добровольно возвратившихся дезертиров уголовному преследованию не подвергали. Нарушителей вызывали на беседы в прокуратуру, в органы исполнительной власти, где разъясняли тяжесть совершенного ими деяния и суровость приговора. Как правило, большинство из них уже после первого разговора возвращались на строительство. Так, по Сызранскому району с ВПС в течение первых 10 дней декабря дезертировало 300 человек. После проведенных с ними бесед 290 вернулись на строительство, остальные были привлечены к уголовной ответственности и осуждены к лишению свободы на срок от 1

года до 5 лет [17]. Формально социальная защита особой группы населения в годы Великой Отечественной войны не всегда исполнялся [11].

Таким образом, не смотря на все сложности, допущенные при планировании строительства, все его объекты были завершены. В условиях, когда в аграрном секторе почти полностью были исчерпаны ресурсы рабочей силы, усилия местных партийных и советских организаций прежде всего были приложены к организации заготовительной кампании, хронологически совпавшей с возведением ВПС. Поэтому большинство проблемных вопросов военного строительства районные партийные организации предпочитали решать путем административного и уголовного воздействия на мобилизованных. Осуществляя аналитическую работу, сотрудники НКВД и прокуратуры уже в первый месяц строительства стали добиваться улучшения продовольственного и материального снабжения мобилизованных, усматривая в этом единственную возможность остановить рост дезертирств. Нередко такая позиция приводила к открытым конфликтам с командованием участков ВПС и местными партийными организациями. В сочетании с применением широкой агитационно-пропагандистской работы эти меры позволили завершить строительство и не допустить применения уголовного преследования к лицам, совершавшим проступки на грани выживания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1888. Л. 208.
2. ГАНИ УО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 229.
3. ГАНИ УО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 164.
4. ГАНИ УО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 288. Л. 180.
5. ГАНИ УО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 376. Л. 65.
6. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1949. Л. 65.
7. ГАНИ УО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 376. Л. 37.
8. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1888. Л. 157.
9. Мухамедов Р.А. Великая Отечественная война в истории татарского села Верхняя Терешка // В сборнике: Народы Татарстана в годы Великой Отечественной войны Сборник статей. под ред. Р.В. Шайдуллина. 2018.
10. Мухамедов Р.А. Жизнь села и подвиг крестьян в годы Великой Отечественной войны (на материалах села Верхняя Терешка Ульяновской области) / Р.А. Мухамедов, А.Ш. Айзатуллова // Актуальные проблемы российской и зарубежной истории: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «55-е Евсевьевские чтения», посвященной 155-летию М.Е. Евсевьева, 14-15 марта 2019 г.
11. Мухамедов Р.А. Социальная защита особой группы населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ульяновской области) / Р.А. Мухамедов, А.Ю. Пичугин // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Том 10. Выпуск 4 (61).

12. Мухамедов Р.А. Беспризорность несовершеннолетних как социальное явление в 1941-1945 годах: проявления и попытки преодоления в Среднем Поволжье / Р.А. Мухамедов, А.Г. Пашкин // Научный диалог. 2020. № 4.

13. Российский государственный архив социально-политической истории. (далее РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 113.

14. Самарский областной архив социально-политической истории (далее СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 5. Д. 151. Л. 136.

15. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 5. Д. 151. Л. 138.

16. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 19. Д. 36.

17. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 19. Д. 42. Л. 138.

R.A. MUKHAMEDOV

*Doctor of historical sciences, professor,
Ulyanovsk State Pedagogical University
after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia*

A.G. PASHKIN

*Candidate of Historical Sciences, Director
State Archive of Contemporary History Ulyanovsk region;
doctoral student of Ulyanovsk State Pedagogical
University them I.N. Ulyanova,
Ulyanovsk, Russia*

THE ROLE OF NKVD AND PROSECUTOR'S OFFICE EMPLOYEES IN THE CONSTRUCTION OF THE KUIBYSHEV-ULYANOVSK DEFENSIVE LINE

The article examines the experience of the NKVD and Prosecutor's office personnel aimed at ensuring defensive construction in the extreme realities of military operations, which is an indispensable source for military engineers of the Russian Federation. The authors, based on the introduction into scientific circulation of previously secret archival documents from the funds of the RGASPI, SOGASPI and GANI UO, paid attention to the process of building a defensive line, the situation of the mobilized and analyzed the problems of the activities of the NKVD and the prosecutor's office. It was revealed that employees of the internal affairs bodies and the prosecutor's office, in order to prevent desertions, first of all sought to normalize the supply of workers with food, clothing and equipment, establish accurate production standards based on the gender and age characteristics of builders.

Key words: *Middle Volga region, military field construction, NKVD, prosecutor's office, desertion.*